

Лев Николаевич

Толстой

О переписи в Москве

(1882 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1937

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 25-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 25-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYU, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYU FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-

томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays

Л. Н. ТОЛСТОЙ В 1885 ГОДУ

С фотографии ВЕЗЕНБЕРГА и Ко.

О ПЕРЕПИСИ В МОСКВЕ.

Цель переписи научная. Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии – счастье людей. Наука эта и ее приемы резко отличаются от всех других наук.

Особенность в том, что социологические исследования не производятся учеными по своим кабинетам, обсерваториям и лабораториям, а двумя тысячами людей из общества. Другая особенность та, что исследования других наук производятся не над живыми людьми, а здесь над живыми людьми. Третья особенность та, что цель всякой другой науки есть только знание, а здесь благо людей. Туманные пятна можно исследовать одному, а для исследования Москвы нужно 2000 людей. Цель исследования туманных пятен только та, чтобы узнать все про туманные пятна; цель исследования жителей та, чтобы вывести законы социологии и на основании этих законов учредить лучше жизнь людей. Туманным пятнам всё равно – исследуют их или нет, и они ждали и еще долго готовы ждать; но жителям Москвы не всё равно, особенно тем несчастным, которые «оставляют самый интересный предмет науки социологии.

Счетчик приходит в ночлежный дом, в подвале находит умирающего от бескормицы человека и учтиво спрашивает: звание, имя, отчество, род

занятия и после небольшого колебания о том, внести ли его в список как живого, записывает и проходит дальше.

И так будут ходить 2000 молодых людей. Это нехорошо.

Наука делает свое дело, и обществу, призванному в лице 2000 молодых людей содействовать науке, надо делать свое. Статистик, делающий вывод из цифр, может быть равнодушным к людям, но мы, счетчики, видящие этих людей и не имеющие никаких научных увлечений, не можем относиться к ним не по-человечески. Наука делает свое дело и для своих целей в далеком будущем делает дело полезное и нужное для нас. Для людей науки возможно спокойно сказать, что в 1882 году столько-то нищих, столько-то проституток, столько-то детей без призора. Она может это сказать спокойно и с гордостью, потому что знает, что утверждение этого факта ведет к тому, что уясняются законы социологии, а уяснение законов ведет к тому, что общества учреждаются лучше. Но что же если мы, люди не науки, скажем: вы погибаете в разврате, вы умираете с голоду, вы чахнете и убиваете друг друга – так вы этим не огорчайтесь; когда вы все погибнете и еще сотни тысяч таких же, как вы, тогда, может быть, наука устроит всё прекрасно. Для людей науки перепись имеет свой интерес; для нас она имеет свое, совсем другое значение. Для общества интерес и значение переписи в том, что она дает ему зеркало, в которое, хочешь не хочешь, посмотрится всё общество и каждый из нас.

Цифры и выводы будут зеркало. Можно не читать их, как можно отвернуться от зеркала. Можно мельком взглянуть в цифры и в зеркало, можно поглядеться и близко. Походить по переписи, как делают теперь тысячи людей, это – близко поглядеться в зеркало.

Что такое для нас, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это две вещи. Во-первых, то, что мы наверно узнаем, что среди нас, среди десятков тысяч, проживающих десятки тысяч, живут десятки тысяч людей без хлеба, одежды и приюта; во-вторых, то, что наши братья, сыновья будут ходить смотреть это и спокойно заносить по графам, сколько умирающих с голода и холода.

И то и другое очень дурно.

Все кричат о шаткости нашего общественного строя, об исключительном положении, о революционном настроении. Где корень всего? На что указывают революционеры? – На нищету, неравномерность распределения богатств. На что указывают консерваторы? – На упадок нравственных основ. Если справедливо мнение революционеров, что же надо сделать? – Уменьшить нищету и неравномерность богатств. Как это сделать? – Богатым поделиться с бедными. Если справедливо мнение консерваторов, что всё зло от упадка нравственных основ, то что может быть безнравственнее и развратительнее, как сознательно равнодушное созерцание людских несчастий с одной целью записывать их? Что ж надо сделать? Надо к переписи присоединить дело любовного общения богатых, досужных и просвещенных – с нищими, задавленными и темными.

Наука делает свое дело, давайте и мы сделаем свое. Сделаем вот что. Во-первых, мы все, занятые переписью, руководители, счетчики, уясним

себе хорошенько то, что мы делаем, уясним себе хорошенько то, над чем и для чего мы делаем исследования. Над людьми, и для того, чтобы люди были счастливы. Как бы кто ни смотрел на жизнь, всякий согласен, что важнее ничего нет человеческой жизни, и дела нет более важного, как устранить препятствия для развития этой жизни, помочь ей.

В Евангелии с поразительной грубостью, но зато с определенностью и ясностью для всех выражена та мысль, что отношения людей к нищете, страданиям людским есть корень, основа всего.

«Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот меня одел, меня накормил, меня посетил», то есть сделал дело для того, что важнее всего в мире.

Как ни смотри человек на вещи, всякий знает, что это важнее всего в мире.

И это надо не забывать и не позволять никаким другим соображениям заслонять от нас важнейшее дело нашей жизни. Будем записывать, считать, но не будем забывать, что если нам встретится человек раздетый и голодный, то помочь ему важнее всех возможных исследований, открытий всех возможных наук; что если бы был вопрос в том, заняться ли старухой, которая второй день не ела, или погубить всю работу переписи, — пропадай вся перепись, только бы накормить старуху! Длиннее, труднее будет перепись, но в бедных кварталах мы не можем проходить людей, только переписывая их, не заботясь о них и не пытаясь, по мере сил и нравственной чуткости нашей, помочь им. Это во-первых. Во-вторых, вот что надо сделать: мы все, не принимающие участия в переписи, давайте не сердиться на то, что нас тревожат; поймемте, что эта перепись очень полезна для нас; что если это не лечение, то это, по крайней мере, попытка исследования болезни, за которую нам надо быть благодарными и по случаю которой нам надо хоть немножко постараться оздоровить себя. Давайте мы все, переписываемые, постараемся воспользоваться тем единственным случаем в 10 лет немножко пообчиститься; давайте не противодействовать, а помогать переписи, и помогать ей именно в том смысле, чтобы она не имела один жестокий характер обследования безнадежного больного, а имела характер лечения и выздоровления. Ведь случай единственный: 80 человек энергичных, образованных людей, имея под рукой 2000 человек таких же молодых людей, обходят всю Москву и не оставят ни одного человека в Москве, не войдя с ним в личные сношения. Все язвы общества, язвы нищеты, разврата, невежества — все будут обнажены. Что ж, неужели успокоиться на этом? Счетчики пройдут по Москве, безразлично занесут в списки с жиру бесящихся, довольных и спокойных, погибающих и погибших, и завеса закроется. Счетчики — наши братья, сыновья-юноши увидят всё это, скажут: «да, очень безобразна наша жизнь и неизлечима» и с этим сознанием будут вместе с нами продолжать жить, ожидая исправления зла от той или другой внешней силы. А погибшие будут продолжать умирать в погибели, а погибающие будут продолжать погибать. Нет, давайте лучше поймем, что у науки свое дело, а у нас, по случаю переписи, свое дело, и не дадим закрыться поднятой завесе, а воспользуемся случаем, чтобы устранить величайшее зло разобщения между нами и нищими и установить

общение и дело исправления зла, несчастий, нищеты и невежества и еще большего нашего несчастья – равнодушия и бесцельности нашей жизни.

Я слышу уже привычное замечание: «всё это очень хорошо, всё это громкие фразы; но вы скажите, что и как делать!» Прежде чем сказать, что делать, необходимо еще сказать, чего не делать. Прежде всего, для того чтобы из этой деятельности общества вышло дело, необходимо, по-моему, чтобы не составлялось никакого общества, чтобы не было никакой гласности, не было собирания денег балами, базарами и театрами, чтобы не было публикаций: князь А. пожертвовал 1000 р., а почетный гражданин Б. 3000; не было бы никакого собрания, никакой отчетности и никакого писания, – главное, никакого писания, чтобы не было и тени какого-нибудь учреждения, ни правительственного, ни филантропического.

Делать же, по-моему, теперь, сейчас, вот что. Первое: всем тем, которые согласны со мной, пойти к руководителям, спросить у них в участке беднейшие кварталы, беднейшие помещения и вместе с счетчиками 23, 24 и 25 числа ходить по этим кварталам, входя в сношения с живущими в них, и удерживать эти сношения с людьми, нуждающимися в помощи, и работать для них.

Второе: руководителям и счетчикам обращать внимание на жителей, требующих помощи, и работать для них самим и указывать их тем, которые захотят работать на них. Но у меня спросят: что значит работать на людей? Отвечу: делать добро людям. Не давать деньги, а делать добро людям. Под словами «делать добро» понимается обыкновенно – давать деньги. Но, по моему понятию, делать добро и давать деньги – есть не только не одно и то же, но две вещи совсем разные и, большей частью, противоположные. Деньги сами по себе зло. И потому кто дает деньги, тот дает зло. Зablуждение это, что давать деньги – значит делать добро, произошло оттого, что, большей частью, когда человек делает добро, то он освобождается от зла и в том числе и от денег. И потому давать деньги есть только признак того, что человек начинает избавляться от зла. Делать добро – значит делать то, что хорошо для человека. А чтобы узнать, что хорошо для человека, надо стать с ним в человеческие, т. е. дружеские отношения. И потому, чтобы делать добро, не деньги нужны, а нужна прежде всего способность хоть на время отречься от условности нашей жизни; нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клопов и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы; нужно быть в состоянии сесть на койку к оборванцу и разговаривать с ним по душе так, чтобы он чувствовал, что говорящий с ним уважает и любит его, а не ломается, любясь на самого себя. А чтобы это было, нужно, чтобы человек находил бы смысл жизни вне себя. Вот что нужно, чтобы было добро, и вот что трудно найти.

Когда мне пришла мысль о помощи при переписи, я поговорил кое с кем из богатых об этом, и я видел, как рады были богатые случаю так прилично избавиться от своих денег, этих чужих грехов, которые они берегут у себя на сердце. «Возьмите, пожалуйста, говорили мне, 300 рублей, 500 рублей, но я сам или сама не могу идти в эти трущобы». Не в деньгах недостаток. Вспомните евангельского Закхея, начальника мытарей. Вспомните, как он, оттого что был мал ростом, влез на

дерево смотреть Христа, и когда Христос объявил, что идет к нему, как он, поняв только одно, что учитель не хвалит богатство, кубарем соскочил с дерева, побежал домой и устроил угощение. И как только вошел Христос, так первым делом Закхей объявил, что половину имения даст нищим, а кого обидел, тому вчетверо отдаст. И вспомните, как мы все, читая Евангелие, низко ценим этого Закхея, невольно с презрением смотрим на эту половину имения и четверное вознаграждение. И чувство наше право. Закхей, по рассуждению, казалось бы, сделал огромное дело. Но чувство наше право. Он еще не начинал делать добро. Он только начал немного очищаться от зла. Так и сказал ему Христос. Он сказал ему только: ныне пришло спасение дому сему.

Что если бы московские Закхеи сделали то же, что он? Ведь собрался бы не один миллиард. Ну и что же бы было? – Ничего. Еще бы больше греха, если бы вздумали раздавать эти деньги бедным. Денег не нужно. Нужна деятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотели бы делать добро, отдавая не чужие грехи – деньги, а свой труд, себя, свою жизнь. Где ж эти люди? А вот они, по Москве ходят. Это – самые счетчики-студенты. Я видел, как они записывают свои карточки. Он пишет в ночлежном доме на нарах у больного. «Чем болен?» – «Воспой». И студент не морщится и пишет. И это он делает для какой-то сомнительной науки. Что же бы он сделал, если бы он делал это для несомненного своего личного добра и добра всех людей?

Как детям в веселом духе хочется хохотать, они не умеют придумать, чему бы хохотать, и хохочут без всякого предлога, потому что им весело, так эта милая молодежь жертвует собой. Она еще не успела придумать, за что бы им жертвовать собой, а жертвует своим вниманием, трудом, жизнью, затем, чтобы записать карточку, из которой еще выйдет или не выйдет что-нибудь. Что же бы было, если бы было такое дело, которое того стоило? Есть и было и всегда будет это дело, и одно дело, на которое стоит положить всю жизнь, какая есть в человеке. Дело это есть любовное общение людей с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой, для того чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и стонами беспомощного голода, холода и болезней.

Перепись выводит перед глазами нас, достаточных и так называемых просвещенных людей, всю ту нищету и задавленность, которая таится во всех углах Москвы. 2000 людей из нашего брата, стоящих на высшей ступени лестницы, станут лицом к лицу с тысячами людей, стоящих на низшей ступени общества. Не упустим случая этого общения. Через этих 2000 людей сохраним это общение и употребим его на то, чтобы избавиться самим от бесцельности и безобразия нашей жизни и избавить обделенных от тех бед и несчастий, которые чутким людям из нас не дают спокойно радоваться нашим радостям.

Я предлагаю вот что: 1) всем нам, руководителям и счетчикам, к делу переписи присоединить дело помощи – работы для добра тех людей, по нашему понятию требующих помощи, которые встретятся нам; 2) всем нам, руководителям и счетчикам, не по назначению комитета думы, а по назначению своего сердца остаться на своих местах, т. е. в отношениях к жителям, нуждающимся в помощи, и по окончании дела

переписи продолжать дело помощи. Если я сумел высказать хоть немного то, что я чувствую, то я уверен, что только невозможность заставит руководителей и счетчиков бросить это дело и что на место отставших от этого дела явятся другие; 3) всем тем жителям Москвы, чувствующим себя способными работать для нуждающихся, присоединиться к участкам и, по указаниям счетчиков и руководителей, начать деятельность теперь же и потом продолжать ее; 4) всем тем, которые по старости, слабости или другим причинам не могут сами работать среди нуждающихся, поручать работу своим близким, молодым, сильным, охочим. (Добро не есть давание денег, оно есть любовное отношение людей. Оно одно нужно.)

Что бы ни вышло из этого, всё будет лучше того, что теперь.

Пусть будет самое последнее дело, что мы, счетчики и руководители, раздадим сотню двугривенных тем, которые не ели, – и это будет не мало, не столько потому, что не евшие поедят, сколько потому, что счетчики и руководители отнесутся по-человечески к сотне бедных людей. Как счастье, какие последствия произойдут в общенравственном балансе оттого, что вместо чувства досады, злобы, зависти, которые мы возбудим, пересчитывая голодных, мы возбудим сто раз доброе чувство, которое отразится на другом, на третьем и бесконечной волной пойдет разливаясь между людьми. И это много! Пусть будет только то, что те из 2000 счетчиков, которые не понимали этого прежде, поймут, что, ходя среди нищеты, нельзя говорить: это очень интересно; что человеку несчастье другого человека должно отзываться не одним интересом; и это будет хорошо.

Пусть будет то, что будет подана помощь всем тем несчастным, которых не так много, как я думал прежде, в Москве, которым можно помочь легко почти одними деньгами. Пусть будет то, что те рабочие, зашедшие в Москву и проевшие с себя одежду и не могущие вернуться в деревню, будут отправлены домой, что сироты заброшенные будут призрены, что ослабевшие старики и старухи нищие, живущие на милосердие товарищей нищих, будут избавлены от полуголодной смерти. (А это очень возможно. Таких не очень много.) И это будет уж очень, очень много. Но почему не думать и не надеяться, что будет сделано и еще и еще больше? Почему не надеяться, что будет отчасти сделано или начато то настоящее дело, которое делается уже не деньгами, а работой, что будут спасены ослабевшие пьяницы, непопавшиеся воры, проститутки, для которых возможен возврат? Пусть не исправится всё зло, но будет сознание его и борьба с ним не полицейскими мерами, а внутренними – братским общением людей, видящих зло, с людьми, не видящими его потому, что они находятся в нем.

Что бы ни сделано было, всё будет много. Но почему же не надеяться, что будет сделано всё? Почему не надеяться, что мы сделаем то, что в Москве не будет ни одного раздетого, ни одного голодного, ни одного проданного за деньги человеческого существа, ни одного несчастного, задавленного судьбой человека, который бы не знал, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть рядом с нашим излишком досуга и богатств и что мы можем жить спокойно, зная, что это есть. Забудемте про то, что в больших городах и в Лондоне есть пролетариат, и не будем

говорить, что это так надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу, и не может быть, если мы живые люди. Почему не надеяться, что мы поймем, что нет у нас ни одной обязанности, не говоря уже личной, для себя, ни семейной, ни общественной, ни государственной, ни научной, которая бы была важнее этой? Почему же не думать, что мы наконец поймем это? Разве только потому, что делать это было бы слишком большое счастье. Почему не думать, что когда-да-нибудь люди проснутся и поймут, что всё остальное есть соблазн, а это одно – дело жизни. И почему же это «когда-то» не будет теперь и в Москве? Почему не надеяться, что с обществом, с человечеством не будет то же, что бывает с большим организмом, когда вдруг наступает момент выздоровления? Организм болен; это значит, что клетки перестают производить свою таинственную работу: одни умирают, другие поражаются, третьи остаются безразличными, работают для себя. Но вдруг наступает момент, когда каждая живая клетка начинает самостоятельную жизненную работу: она вытесняет мертвые, запирает живой преградой зараженные, сообщает жизнь отживавшим, и тело воскресает и живет полной жизнью.

Отчего же не думать и не надеяться, что клетки нашего общества оживут и оживят организм? Мы не знаем, в чьей власти жизнь клетки, но мы знаем, что наша жизнь в нашей власти. Мы можем проявить свет, который есть в нас, или загасить его.

Приди один человек в сумерки к Ляпинскому ночлежному дому, когда 1000 человек раздетых и голодных ждут на морозе впуска в дом, и постарайся этот один человек помочь им, и у него сердце обольется кровью, и он с отчаянием и злобой на людей убежит оттуда; а придите на эту тысячу человек еще тысяча человек с желанием помочь, и дело окажется легким и радостным. Пускай механики придумывают машину, как приподнять тяжесть, давящую нас, – это хорошее дело, но пока они не выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом, – не поднимем ли? Дружной, братцы, разом!

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «О ПЕРЕПИСИ В МОСКВЕ».]

* № 1.

Тутъ есть особенность. Особенность эта еще рѣзче бросается въ глаза потому, что ученый одинъ рѣжетъ лягушекъ и отравляетъ собакъ и можетъ это дѣлать, не страдая за лягушекъ и собакъ, потому что корчащаяся лягушка и препарированная живая собака даютъ ему отвѣтъ на вопросъ, годами неотступно занимающій его. Но для изслѣдованій соціологическихъ употребляются люди неученые: по переписи ходитъ молодежь–студенты. Они должны къ умирающимъ отъ нищеты и погибающимъ отъ хоть, скажемъ, равнодушія общества людямъ относиться такъ же спокойно, какъ ученые къ лягушкамъ и собакамъ. Отъ нихъ требуется, чтобы они усвоили себѣ равнодушіе ученаго, не имѣя на то права. Сравненіе между собакой, умирающей подъ ножомъ экспериментатора, и счетчика, переходящаго изъ дома миллионера въ подвалъ, гдѣ лежитъ больной солдатъ безъ хлѣба, совсѣмъ не такъ далеко, какъ кажется; оно даже вовсе не далеко, оно не сравненіе, а тождество. Экспериментатору стоитъ только вынуть капсулю изъ горла собаки и пустить ее, а счетчику стоитъ только вынуть 3 р. и оставить на койкѣ. Экспериментаторъ не дѣлаетъ это только отъ того, что его дѣло важнѣе жизни собаки, но студентъ не можетъ этаго сказать.

* № 2.

<Скажу все, что я думаю. Это не только особенность – это безобразіе, это ужасъ, это больше этаго – это глупость.

2000 молодыхъ людей ходитъ теперь и будутъ ходить по Москвѣ, дѣлая соціологическіе изслѣдованія, и приучаться къ тому чтобы видѣть безумную роскошь рядомъ съ еще болѣе непонятной нищетой и будутъ учтиво спрашивать: «какъ васъ зовутъ, чѣмъ занимаетесь?» «Умираю съ голоду». И слыша этотъ отвѣтъ, они учтиво будутъ проходить мимо, говоря: «сдѣлайте одолженіе, умирайте съ голоду, только потрудитесь сказать, до или послѣ 12 вы умерли съ голоду». Вѣдь это больше, чѣмъ особенность. Это нехорошо.

Другая особенность – и важная – та, что то, къ чему стремится наука соціологіи, не достижимо однимъ путемъ науки. Наука стремится къ тому, чтобы, постигнувъ законы человѣческихъ обществъ, указать ихъ всѣмъ и учредить общество такъ, чтобы было наибольшее возможное благо для всѣхъ. Вѣдь цѣль эта достигается другимъ путемъ. Я не только могу себѣ представить, я знаю людей, для которыхъ смыслъ жизни только въ томъ, чтобы отдавать другимъ все и самую жизнь свою. Ну что, если бы такихъ людей было много, цѣль науки достигалась бы другимъ путемъ. Скажу прямо свою мысль. Цѣль науки соціологіи, какъ и всѣхъ наукъ, гдѣ–то впереди, и мы ее опредѣлить не можемъ. И путь этотъ короче, и путь этотъ радостенъ, и дѣло это важнѣе науки.>

* № 3.

Я близко поглядѣлся въ это зеркало, и то, что увидалъ, ужаснуло бы меня, если бы я не видѣлъ, что все, что такъ страшно, все можетъ быть исправлено. Все можетъ быть исправлено, если мы отдѣлимъ хорошенько научный интересъ отъ нашего жизненного и поймемъ, что только ученые могутъ спокойно обращаться съ цифрами, которые они вызываютъ, а что эти цифры для насъ совсѣмъ другое: они вопіють къ намъ и зовутъ насъ къ дѣятельности. Положимъ, мы еще не видали себя въ зеркалѣ, но зеркало уже подносятъ къ намъ, и мы знали смутно все, что мы увидали, и намъ надо поправиться.

* № 4.

Если же мы поймемъ, многіе изъ насъ, что у науки свое дѣло, а у насъ по случаю переписи свое дѣло, и мы пойдёмъ къ руководителямъ, запишемся къ нимъ въ особые обходчики и по указаніямъ руководителей обойдемъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ нищета, развратъ и гибель, и по мѣрѣ силъ и чуткости нашей постараемся помочь язвамъ общества, будетъ совсѣмъ другое. Будетъ то, что 1) счетчики будутъ знать, что они дѣлаютъ не дѣло машины, а дѣло человѣческое, и, дѣлая это дѣло, они полюбятъ его, потому что нельзя не полюбить то, что даетъ смыслъ жизни, и увидятъ рядомъ съ безобразіемъ жизни и красоту, а 2) мы получимъ не мертвые отчеты о томъ, сколько людей и оконъ въ Москвѣ, отчеты, нужные для спеціалистовъ, а узнаемъ, сколько людей есть несчастныхъ, отчего они несчастны и какъ помочь имъ. И изъ этаго знанія вытекаетъ для насъ важнѣйшее дѣло жизни и 3) изъ гибнущихъ не всѣ погибнутъ и изъ несчастныхъ не всѣ помрутъ.

Комментарии Н. К. Гудзия

«О ПЕРЕПИСИ В МОСКВЕ».

Поселившись с осени 1881 г. в Москве, Толстой испытывал часто очень удрученное состояние при созерцании городской бедности. Его мучило сознание несоответствия материального положения своего и людей богатых классов – с одной стороны – и бедняков, живущих в городе, с другой. Для того чтобы яснее представить себе картину городской нищеты и изыскать пути и средства для ослабления ее, Толстой, задумав лично участвовать в московской переписи, которая назначена была на 23, 24 и 25 января 1882 г., решил привлечь к участию в ней всех тех, кто был заинтересован в деле помощи нищему населению города. С этой целью он написал статью «О переписи в Москве».

Черновой автограф статьи хранится в рукописном собрании Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина (№ 3020). Рукопись без заглавия, на 14 нумерованных страницах. Состоит 1) из одного полулиста писчей бумаги, согнутого пополам (с полями), кругом исписанного, 2) одной четвертушки писчей бумаги (без полей), исписанной с обеих сторон, 3) одного полулиста почтовой бумаги большого формата (без полей), на оборотной стороне которого зачеркнутая, очевидно первоначальная, редакция начала статьи, 4) полулиста писчей бумаги, согнутого пополам (без полей), кругом исписанного, 5) одной четвертушки писчей бумаги (без полей), исписанной с обеих сторон.

В рукописи текст идет не прерываясь, но рукопись не покрывает целиком печатного текста: последним шести абзацам, начиная со слов: «Я предлагаю вот что...», стр. 179, строка 7, в рукописи нет соответствия. Начало: «В Москвѣ началась перепись». Конец: «и если бы не было между мной и ими разобщенія».

Текст рукописи, по сравнению с соответствующей ей частью печатного текста, в общем распространеннее. Он имеет несколько вариантов, не вошедших в печатный текст, а отсутствует в нем лишь один абзац, имеющийся в печатном тексте: «Я слышу уже привычное замечание... «какого-нибудь учреждения, ни правительственного, ни филантропического», стр. 176, строки 26–37.

Напечатанные выше рукописные варианты статьи расположены следующим образом: № 1 – между абзацами 2-м и 3-м, т. е. между словами: «самый интересный предмет науки социологии» и «Счетчик приходит в ночлежный дом», стр. 173 строки 19–20. №2 – между абзацами 4-м и 5-м, т. е. между словами: «Это нехорошо» и «Наука делает свое дело», стр. 173 строки 25–26. № 3 – между абзацами 6-м и 7-м, т. е. между словами: «это близко поглядеться в зеркало» и «Что такое для нас, москвичей» (стр. 174 строки 22–23, № 4 соответствует концу абзаца 14-го и заменяет ту его часть, которая начинается со слов: «Нет, давайте лучше пойдем»... стр. 176 строка 19.

В рукописи, кроме того, очень много словарных вариантов, не имеющих существенного значения с точки зрения содержания статьи и ее стиля.

Оригинал, с которого был сделан набор, не сохранился. Судя по воспоминаниям С. К. Эфрона, набор делался с рукописи, написанной самим Толстым, т. е. с собственноручно сделанной переделки чернового автографа. Так как эта рукопись была написана неразборчиво, то набор производился в присутствии самого Толстого, прошедшего в типографии более пяти часов. Толстой помогал наборщикам читать оригинал и, когда он был набран, тут же правил корректуру статьи, а листы оригинала подарил на память наборщикам и присутствовавшим тогда в типографии С. А. Гилярову и С. К. Эфрону.

[2]

Статья была напечатана в № 19 газеты «Современные известия», от 20 января 1882 г., со следующим заявлением редакции: «На сегодняшний раз мы приостанавливаем свое обычное руководящее слово к читателям, уступая место почетному и дорогому гостю в нашем издании, гр. Льву Николаевичу Толстому. Он пожелал стать в числе 80 распорядителей, которым поручена перепись в Москве, и не остался к этому делу холодным. От души желаем, чтобы прочувствованное его слово по поводу переписи принесло свой христианский плод».

Вслед затем статья вышла отдельным оттиском (16°, 16 страниц, с пометкой «Дозволено цензурой. Москва. 22 января 1882 г.»). Впервые в собрании сочинений Толстого статья напечатана в издании: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая, произведения последних годов». Типография М. Т. Волчанинова (бывш. М. К. Лаврова и К°), 1886 (пятое издание сочинений Толстого).

В настоящем издании статья печатается по тексту «Современных известий».

Об упоминаемом в статье Ляпинском доме см. в примечаниях к «Так что же нам делать?».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ТОМУ.

В двадцать пятый том входят: I. Народные рассказы и II. Статьи, а также шуточные произведения, написанные для «почтового ящика». Народные рассказы относятся: один – к 1881 году, двадцать – к 1884–

1886 гг. Они чрезвычайно близки друг к другу по общему строю, характеру и цели написания и в конце концов все предназначались для одного и того же народного книгоиздательства «Посредник», задуманного и осуществленного В. Г. Чертковым, при поддержке Толстого. Поэтому все эти произведения и вошли в один том.

За исключением одного произведения, все были напечатаны при жизни Толстого. Одно – «Нагорная проповедь», не прошедшее целиком старую духовную цензуру, ныне печатается впервые. Кроме того, печатаются впервые некоторые начальные редакции рассказов; они настолько отличаются от последующих, что помещены в «вариантах». То же нужно сказать и относительно набросков и многих отрывков старшего по времени рассказа «Чем люди живы» которые печатаются также впервые, за исключением наброска «Архангел», напечатанного в 1914 г. в газете «Речь».

Вторую часть настоящего тома занимают преимущественно статьи Толстого; они написаны им в период 1882–1887 гг.

Центральное место среди этих статей занимает трактат «Так что же нам делать?», отличающийся очень сложной историей своего писания и печатания. Помимо рукописных вариантов к известным в печати произведениям Толстого, здесь публикуются впервые и четыре до сих пор неизвестные статьи Толстого: две законченные – Речь о народных изданиях и «Страдание святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины» – и одна незаконченная – «Китайская мудрость», а также два плана – одной ненаписанной статьи («Московские прогулки») и одной, лишь отчасти написанной («Сиддарта, прозванный Буддой»).

Впервые вводится в число произведений Толстого и статья «Греческий учитель Сократ», написанная первоначально А. М. Калмыковой, но настолько радикально переделанная Толстым в первых ее девяти главах, что она с полным правом в этой части может считаться произведением Толстого. Перепечатываем здесь петитом и остальные четыре главы статьи, выделяя корпусом исправления Толстого.

Редакция Народных рассказов, за исключением рассказа «Где любовь, там и бог», отредактированного А. И. Никифоровым, принадлежит В. И. Срезневскому. Весь остальной материал, за исключением «Речи о народных изданиях», приготовленной к печати П. С. Поповым, отредактирован Н. К. Гудзием.

Н. Гудзий.

А. Никифоров.

В. Срезневский

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гروتовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, не оконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»). Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест–на–крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Толстого в 1885 г. с фотографии Везенберга и К-о – между VI и VII стр.

Примечания

1

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва).

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописное отделение (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей (Москва).

ГТМ – Государственный Толстовский Музей (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград).

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862 – 1910», изд. второе. М. 1915.

ТЕ, 1913 – Толстовский ежегодник 1913 г.

—

2

См. иллюстрированное приложение к № 231 «Русского листка» за 1903 г. Перепечатано в книге С. Шарапова «Неопознанный гений», М. 1903, стр. 90.